

«В НОЧЬ

ТАНКАБИКЕ — артистка З. БИКБУЛАТОВА.

ЛУННОГО ЗАТМЕНИЯ»

Вл. БЛОК

МУСТАЙ Карим написал трагедию «В ночь лунного затмения», а режиссер Шаура Муртазина поставила ее в Башкирском академическом театре драмы. Действие происходит давным-давно, не то в семнадцатом, не то в шестнадцатом веке. Степной простор, пирамидальность юга... Художница Г. Имашева будто остановила своими красками пожарище вечернего неба и переливчатую гладь реки... Среди пейзажа, словно нарочно созданного для приволья открытых чувств, молодые герои ведут неравную борьбу с косными обычаями, рожденными имущественным укладом родового строя. Прошла неделя, другая, а спектакль стоит у меня перед глазами. Он уже не совсем такой, каким я его увидел, сидя в зрительном зале. Отступили куда-то вдаль пестрая экзотичность старинных башкирских одежд, удивление перед жестокой патриархальностью древних устоев. Мое воображение все сильнее обжигает дыхание влюбленных Акагета и Зубаржата, меня все больше возмущает самоубийственное стремление матери Акагета — Танкабике подавить свою мятежность, оскорбляет цинизм безверия изменчивого Дервиша; воображение властно тербит мысль, настойчиво возвращается к человеческим судьбам, о которых рассказали большой поэт и театр.

Беликим таинством богат сценический образ, не всегда предугадаешь его воздействие. Он способен возбудить самые, казалось бы, невероятные ассоциации, если пронализан современной мыслью, если глубоки его художественные открытия. В этом случае жди могучего взрыва красочных восприятий и от поэтического инсценирования. Не случайно, к примеру, Брехт столь часто использовал для своих острополитических пьес сюжеты из давно прошедших времен. Конечно, у прямого отображения современной действительности свои неоспоримые преимущества, но одно другого не исключает.

«Жизнь идет вперед, и народ идет вперед, неизбежно, минуемо, — как бы восклицает Мустай Карим, — и люди при этом обязательно сбрасывают кандалы устоявшихся предрассудков, скомпрометированных традиций, тех канонов, что сдерживали свободное и благородное волеизъявление. Но немало и таких людей, которые держатся за старое, потому что с ним связано их благополучие. Новые завоевания вызывают у них зависть, боязнь за свое положение».

Дальнее перекачивается с близким в сфере наших эстетических впечатлений от спектакля. Не стоит пытаться расшифровать их переводом на язык логически выверенных сопоставлений. Но все-таки ясно, что нашей сегодняшней эволюционности «Ночь лунного затмения» благоприятствует атмосфера тех общественных событий и перемен, которые определены решениями XX—XXII съездов партии. Ведь эти решения воспитывают непримиримость ко всем видам застоя дела и мысли, к упрямым охранителям омертвевших канонов, призывают к умным дерзаниям, к смелым свершениям для блага человека. Новые условия для развертывания народной инициативы обеспечивают и настроенность наших эмоций на встречу образам трагедии Мустая Карима. Ведь современность пьесы — это прежде всего современность ее мыслей.

Спектакль Башкирского театра хорош тем, что режиссер вслед за поэтом извлекает из отголосков прошедшего современные созвучия.

Образы трагедии дышат мудростью поэта нового мира. Социальные отношения отнюдь не «осовременены» — это было бы ложью, а спектакль ратует за правду. Этнографические, исторические приметы присутствуют, но нет дотошной погоны за подробностями быта. Подробности ищутся другие — образное постижение психологии героев.

Стиль спектакля полнее всего выражен в игре замечательной актрисы З. Бикбулатовой в роли Танкабике. Этот характер вбирает в себя основную долю проблематики трагедии, сквозное действие пьесы как бы рассказывает его надвое...

Есть свое обаяние в том, как поначалу привычно Танкабике — мать, хозяйка в доме — опекает домочадцев и привычно распоряжается: женственна и горделива ее осанка, непринужденны жесты, она безыскусственна и уверена в себе. Хозяйка. Мы любим ее, естественностью проявления ее чувств... Артистка по крупницам собирает доказательства своеобразного душевного изящества героини. То, что она в молодости переступила границы дозволенного предками, отпустив свое сердце в полет искренней любви, открыло в характере большое, не стесненное религиозным регламентом, человеческое. Это согревает улыбку Танкабике, когда она говорит с тайно рожденным сыном — Юродивым, облагораживает власть приказаний, обращенных к рабам. Она всего-навсего глава семьи, заботливая, мило хлопотливая, и, право же, не ее вина, что осанка ее горделива, а интонации не терпят возражения — все-таки она хозяйка по воле судьбы, по закону традиций...

За последние годы режиссер Ш. Муртазина и актриса З. Бикбулатова не раз соединяли свои поиски сценических решений, и эти встречи, мне кажется, обогатили

обоих художников. Прекрасный талант Бикбулатовой стал еще свежее и чище, еще тоньше и неожиданнее стали разнообразнейшие оттенки внутренней жизни ее героини. Яркий темперамент актрисы благодаря внесенной Ш. Муртазиной в башкирский театр современной методике, открытой Станиславским и Немировичем-Данченко, обрел новую перспективу и новую мудрость в распределении выразительных средств. Вместе с тем Бикбулатова как бы заразила Муртазину своей страстью образного видения, способностью раскрывать эмоциональную напряженность сценического действия...

Строга и сдержанна актриса в сценах, когда душу ее Танкабике все сильнее захлестывает борение противоречивых страстей. Угадываешь малейшие детали реакции этой женщины, которые она привычно скрывает, слушая речи старейшин, собранных ею на совет. Ораторы утверждают неизбывность обычая, который велит разрушить союз любящих — сына Танкабике Акагета и юной Зубаржат, сочетать браком Акагета с вдовой его погибшего старшего брата, а Зубаржат — с его младшим братом, совсем мальчишкой.

Танкабике — так играет Бикбулатова — отлично понимает жестокость и тупость закона. Но закон есть закон — его нельзя ни заменить, ни обойти. Умная женщина, нежная и добрая становится орудием бессердечия! В образе все полно острых контрастов, в нем переливаются на свету, излучаемом артистическим талантом, чувства, на первый взгляд будто исключают друг друга, но, оказывается, совместимые в сложном характере Танкабике. Все в нем просвечивается насковью: ум и ограниченность, порывы непосредственных чувств, а рядом — их скованность; сила и слабость рядом. Каждое человеческое свойство немедленно наталкивается на свою противоположность, чтобы насмерть с ней сразиться. И потому, что это так, выигрывает мысль спектакля — ведь мы улавливаем ее в движении, она тем сильнее врезывается в наше сознание, чем беспокойнее и разноречивее наш эмоциональный отклик на происходящее.

Под стать игре Бикбулатовой — другие актерские работы. Ш. Рахматуллин в роли Юродивого ничуть не отстаивает на его умственной ущербности. Парадоксальность исполнения в том, что этот Юродивый безостановочно мыслит, анализирует, сопоставляет. Его суждения сверхпростодушны, наивны, но порой поразительно точны, потому что не испорчены предвзятостью... Выразительно представлены судьбы Зубаржата (Д. Файзуллин) и ее невольной соперницы Шафак (Г. Мубарякова); непохожие друг на друга характеры старейшин создают Х. Саитов, З. Игдавлетов, Г. Арсланов. Искреннее исполнение роли Акагета И. Юмагуловым немного портит чужеродная спектаклю пафосная перегруженность.

Лишь во второй половине очень интересной роли Дервиша актер Г. Тугаев обретает истину страстей своего героя. Дервиш, по Мустая Кариму, разочаровывается в религии, которой посвятил десятки лет самоотверженно-го служения, и, не найдя нового идеала, становится беззастенчивым эгоистом, шантажирует Танкабике, чтобы та помогла ему в его нечистоплотных намерениях... Дервиш — Тукаев с первых же шагов излишне демоничен. Поэтому получается так, будто потеря веры, понимание ее лживости мало что меняют в этом характере. Артист игнорирует его диалектику и, конечно, отнюдь не до дна истощивает замысел поэта.

В целом же этот замысел угадан в спектакле, развернут в многокрасочную систему сценических образов. Нарушения стиля не особенно значительны, постановка гармонична, в ней естественно сочетается образ психологический с образом зрительным.

Образный строй постановки Шауры Муртазиной подчинен единой цели: выявить современность легенды Мустая Карима, ее художественную идею.

Я уверен: трагедия «В ночь лунного затмения» увлечет зрителей и за пределами Башкирии.

УФА—МОСКВА